

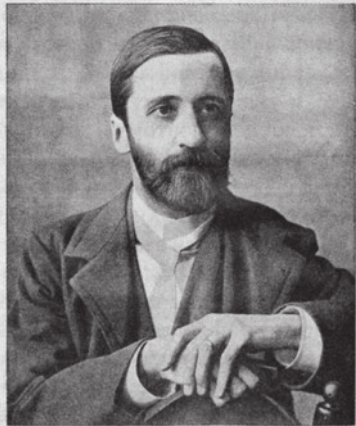
Мережковский утверждал, что только «мистическое содержание», «язык символа» и импрессионизм способны расширить «художественную впечатлительность» современной русской словесности

В один прекрасный день Сергей Иванович Мережковский привел 14-летнего сына Диму к Достоевскому. Привёл не просто так, а с тем, чтоб великий писатель соизволил послушать стихи ещё даже не юноши, а мальчика. Дело происходило в 1880 году, в знаменитом нынче доме на Кузнечном переулке. Дмитрий Мережковский сам описал этот удивительный эпизод своей жизни в «Биографической заметке». Из неё мы знаем, что юный Дима читал свои сочинения, «краснея, бледнея и запинаясь», а Фёдор Михайлович слушал его детский лепет с «нетерпеливой досадой». А наслушавшись, под конец сказал прямо: «Слабо, слабо, никуда не годится. Чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать». Столь неуместная оценка величайшего русского писателя очень «оскорбила и раздосадовала» талантливую парня. Она, видимо, и подхлестнула его самолюбие, ибо в том же 1880 году, уже не Дима, а Дмитрий Мережковский совершил свой поэтический дебют в качественном общелитературном иллюстрированном журнале «Живописное обозрение» – прекрасная площадка для дебюта!

Но истинным входом Мережковского в большую литературу считается публикация его стихов в журнале «Отечественные

---

² Публикуется по предложению Ренэ Герра.

Д. С. Мережковский.

записки». Именно она принесла ему славу и популярность. Шёл 1883 год, Мережковскому было всего 17 лет. Фёдор Михайлович Достоевский скончался в 1881 году, а потому триумфа раскритикованного им мальчика он не видел. Вследствие этого триумфа многие стихи Мережковского были положены на музыку величайшими русскими композиторами, включая Чайковского и Рахманинова.

Однако в историю мировой литературы Мережковский вошёл не как поэт, а как прозаик. Причем прозаик нетипичный для русской беллетристики. Прозаик-эрудит, глубоко знающий и

понимающий корни европейской культуры, её суть, её противоречия, её мистику и апостасию. Второго такого писателя в русской литературе просто нет.

С ранней юности Мережковский был склонен к мистицизму и даже к типичному для России сектантству. Мы часто забываем, что Россия не только православная страна, но и страна сектантов. Настоящим сектантом он, тем не менее, не стал. В 1886 году, то есть в двадцатилетнем возрасте, Мережковский перенёс какую-то страшную, очень напутавшую его болезнь, о которой, по сути, ничего не известно. Чудом вылечившись, он сам потом утверждал, что переживание этого страшного недуга и является причиной его «поворота к вере».

После победы над болезнью и окончания университета, 22-летний, известный уже литератор отправляется в путешествие по югу России – через Одессу на Кавказ. Экзальтированный молодой человек описал его потом как «духовное странничество, предпринимаемое неопитом для откровения Истины». Как бы там ни было, путешествие это сыграло решающую роль в его жизни, ибо, будучи в Боржоми, он знакомится с 19-летней Зиной Гиппиус. Случилась не просто любовь с первого взгляда, молодые люди ощутили в общении полное духовное и интеллектуальное единение. Быстро обвенчавшись в Тифлисе, они перебрались в Петербург.

Вот так, казалось бы, невзначай, родилась самая, пожалуй, влиятельная пара в истории русской литературы. Гиппиус и Мережковский были не просто законодателями мод, они создавали и разрушали репутации, их суждение являлось эталоном качества, вокруг них толпилась самая изысканная и перспективная творческая молодежь.

Мережковский постоянно работал, писал, причём без самоутверждения. Он находил время для перевода на русский язык Гёте и Софокла. Это соответствовало его желанию обучить, воспитать, осветлить Россию. Его огромная культура и прекрасное знание древних и современных языков невольно делали из Мережковского некоего воспитателя русской интеллигенции. Он прививал в России европейское сознание, ни на минуту не забывая, что он – русский.

Парадоксальный Мережковский не был, однако, пассаеистом, человеком замороженным прошлым. В октябре 1892 года он прочёл нашумевшую лекцию «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Лекция, наряду со сборником его стихов «Символы», считается манифестом символизма и модернистского обновления русского искусства. Мережковский утверждал, что только «мистическое содержание», «язык символа» и импрессионизм способны расширить «художественную впечатлительность» современной русской словесности, отмечая при этом, что составляющие нового движения уже присутствуют в творчестве Толстого, Тургенева, Достоевского, Гончарова. Мережковский фактически объявлял модернизм продолжением гениальной русской литературной классики.

Лекция произвела фурор, но либерально-демократический лагерь отнёсся к ней как к проявлению «мракобесия». С восторгом принял доклад лишь немногочисленный кружок сторонников нового направления, сформиро-

Д. С. Мережковский.
Портрет работы И. Репина
(около 1900 г.)

вавшийся вокруг журнала «Северный вестник». В это же время Дмитрий Мережковский начал работать над одним из своих шедевров – романом «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи».

Будучи человеком своенравным и с мистическим уклоном, Мережковский то приближался к Церкви, то отдалялся от неё. Вот что он утверждал в своём докладе «Лев Толстой и Русская Церковь»: «Следуя до конца за Львом Толстым в его бунте против Церкви, как части всемирной и русской культуры, русское культурное общество дошло бы неминуемо до отрицания своей собственной русской и культурной сущности; оказалось бы вне России и вне Европы, против русского народа и против европейской культуры; оказалось бы не русским и не культурным, то есть ничем. В толстовском нигилизме вся пост-петровская культурная Россия. Думая, что борется с Церковью, то есть с историей, с народом, за своё спасение, – на самом деле борется за свою гибель: страшная борьба, похожая на борьбу самоубийцы с тем, кто мешает ему наложить на себя руки».

В 1904 году Мережковский и Гиппиус предприняли, тем не менее, попытку примирения с Толстым и даже ездили к нему в Ясную Поляну. Старик принимал их радушно. Формальное примирение произошло, но «религию Толстого» Мережковский отвергал до конца своих дней. Об этом неоднократно свидетельствовала Зинаида Гиппиус.

Религиозное мировоззрение Мережковского радикально изменилось вследствие революции 1905 года. Происходящие события убедили его в том, что революция не только не противоречит христианскому учению, но, напротив, вытекает из него. Свои взгляды на всё это, он изложил в нашумевшем труде «Грядущий хам».

Цитата: «...Одного бойтесь – рабства худшего из всех возможных рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть чёрт, – уже не старый, фантастический, а новый, реальный чёрт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам».

Не понятно? Объясняю. По мнению Мережковского, у «хамства» в России три лица: лицо прошлое, настоящее и будущее. В прошлом лицо хамства – это лицо церкви, воздающей кесарю Божье, это «православная казённая», служащая казённой самодержавной. Настоящее лицо хамства Мережковский связывал с российским самодержавием. Но самое страшное его лицо он ви-

дел в будущем: «лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, боссачества, чёрной сотни».

Начиная с 1905 года Мережковский стал врагом самодержавия. Это отношение ярко выразилось в его драме «Павел I», являющейся первой частью трилогии «Царство Зверя». Напечатанное в 1908 году, произведение было конфисковано. Вторая часть трилогии – «Александр I» – вышла в свет лишь в 1912 году (кстати, в «Русской мысли»), а третья часть – аж в 1918 году!

Стал он и противником Русской Церкви. Вот что он писал Бердяеву в 1909 году: «Православие есть душа самодержавия, а самодержавие есть тело православия. Христианская святость совместима с реакцией, с участием в „Союзе русского народа“, с превращением Церкви в орудие мирской политики, с благословением смертных казней. (...) Нельзя поручать себя молитвам тех, кого считаешь мучителями, распинателями правды Христовой, кого подозреваешь в безбожном, демоническом отношении к миру».

Февральская революция 1917 года «понравилась» Мережковским. Зинаида Гиппиус описывает в знаменитых своих «Дневниках» ночные свои чаепития с Керенским, Савинковым и прочими лидерами восстания. Под словом «ночные» нужно понимать не «11 часов вечера», а «3 часа ночи». Усталые революционеры приходили к ней из Таврического дворца на чай с пирожками. Причём сам Мережковский обычно в это время спал уже у себя в спальне. Мережковские считали, что только «честная революция» может закончить с войной, а «установление демократии даст возможность расцвета идей свободы (в том числе и религиозной) перед лицом закона». Временное правительство Мережковский воспринимал как «вполне близкое». Керенский даже просил его написать несложный текст о декабристах – для распространения в войсках. Но уже в марте Мережковский предсказал скорое падение Временного правительства и диктатуру Ленина.

3. Гиппиус, Д. Философов и Д. Мережковский

Октябрьский переворот Мережковский истолковал как восшествие во власть «народа – Зверя», как торжество «надмирного зла». Мережковские тщетно хлопотали об освобождении заключённых в Петропавловскую крепость министров Временного правительства – их друзей. В конце 1917 года Дмитрий Мережковский уже выступал с антибольшевистскими лекциями, писал антибольшевистские статьи. Одна из них, напечатанная 14 декабря в газете «Вечерний звон», анализировала ведущую роль интеллигенции в русском революционном движении. Делал он всё это, несмотря на то, что его пьеса «Павел I» была реабилитирована и ставилась во многих столичных и провинциальных театрах.

Вот что писал Мережковский в своем дневнике в январе 1918 года: «Как благоуханны наши Февраль и Март, солнечно-снежные, вьюжные, голубые, как бы неземные, горние! В эти первые дни или только часы, миги, какая красота в лицах человеческих! Где она сейчас? Вглядитесь в толпы Октябрьские: на них лица нет. Да, не уродство, а отсутствие лица, вот что в них всего ужаснее. Идучи по петербургским улицам и вглядываясь в лица, сразу узнаёшь: вот коммунист Не хищная сытость, не зверская тупость – главное в этом лице, а скука, трансцендентная скука “рая земного”, “царства Антихриста”».

Началась гражданская война. Страдая от голода, вынужденно сотрудничая с горьковскими большевистскими изданиями, продавая всё, включая домашнюю утварь, Мережковский писал: «Среди русских коммунистов – не только злодеи, но и добрые, честные, чистые люди, почти “святые”. Они-то самые страшные. Больше, чем от злодеев, пахнет от них китайским мясом».

В ночь с 24 на 25 декабря 1919 года Мережковские с несколькими друзьями тайком покинули Петроград, а затем и Россию. Думали – ненадолго, а оказалось – навсегда.

Обосновавшись в Париже, где бурлила интеллектуальная и политическая жизнь русской эмиграции, где выходили русские газеты и журналы, Мережковские не вошли ни в один эмигрантский кружок. Их взгляды были неприемлемы ни для правых, ни для левых. Единственным безоговорочным единомышленником и соратником Дмитрия Мережковского был Иван Бунин. Иронично, что именно он станет Нобелевским лауреатом, хотя кандидатура Мережковского выставлялась десять раз! Великие русские писатели часто выступали вместе. Так, в 1924 году они стали инициаторами события, вошедшего в историю под названием «Миссия русской эмиграции». О ней было написано много статей,

диссертаций, книг. «Мы, — писал Мережковский, — воплощённая критика России, как бы от неё отошедшая мысль и совесть, суд над нею, настоящей, и пророчество о ней, будущей».

Вот, что пишет Нина Берберова в своих замечательных мемуарах «Курсив мой». Она передаёт парижский диалог между Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским: „Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России?“ — Она думала минуту. — „Свобода без России... И потому я здесь, а не там“. — „Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но...“ — И он задумывался, ни на кого не глядя. „...На что мне, собственно, нужна свобода, если нет России? Что мне без России делать с этой свободой?“»

В этом диалоге двух великих литераторов (а также мужа и жены) содержится значительная доля трагедийной сути эмиграции. Далекое не вся русская эмиграция осознавала свою «миссию». Далекое не все эмигранты понимали и понимают суть понятия «свобода», смысл представления «Россия», толкования слова «Родина».

Многие специалисты считают, что шедевры Мережковского были написаны в эмиграции. Что он, как Набоков, Газданов, Шмелёв, Бунин, расцвёл именно вдали от «порабощенной антихристом» Родины. Но та же Нина Берберова, одна из звёзд русской литературы на Западе, так не считает. «Из его писаний за время эмиграции всё умерло. Живое только то, что написано им было до 1920 года».

Как бы там ни было, Дмитрий Мережковский остаётся ключевой фигурой не только русской литературы, но и русской интеллектуальной жизни.

Празднуя его 150-летие, мы фактически отдаём честь всей творческой русской интеллигенции. В Мережковском содержится и Пушкин, и Белинский, и Достоевский, и Толстой, и Солженицын, и Шаламов, и Прилепин. Талант и прозрение сожигательствуют в нём с заблуждением и истеричностью.

Потому-то он и есть — символ нашего всего.

Зинаида Гиппиус